

Кэрол Маринелли
Розовый алмаз

Серия «Любовный роман – Harlequin», книга 21

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589205
Розовый алмаз: роман: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02202-8

Аннотация

Горничная Эффи, молодая и наивная девушка, была выбрана, чтобы прислуживать властному и безжалостному королю Закари. Повелитель привык иметь рядом расторопных, податливых и сговорчивых женщин. Но кого же ему прислали на этот раз? Эффи оказалась совсем неопытной...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кэрол Маринелли

Розовый алмаз

Глава 1

Только здесь он мог найти себя.

Глядя в бескрайнее мерцающее пространство, король Закари аль-Фариси Калиста наслаждался одиночеством.

Он правил Калистой и ее народом, и научила его этому пустыня.

Закари был сильным правителем – таким, каким и должен быть король. Властным, порой безжалостным, но исполняющим все, что было нужно исполнить. Он не выбирал легких путей, и народ любил его за это. Красавца короля можно было назвать плейбоем – ни одна из женщин подолгу не занимала его мыслей, они были для него лишь временным отвлечением от государственных дел, но подданные прощали ему эту слабость.

И только к пустыне его любовь была неизменной.

Глаза Закари скользили по бесконечному песчаному морю, постоянно меняющему свои очертания – только скалы, каньоны да звезды могли служить здесь ориентирами.

По правде говоря, эта земля и была здесь настоящим хозяином – дикая, негостеприимная и в то же время прекрасная, – она могла заставить склонить голову, иссушить и вымотать, чтобы потом снова наполнить силой.

И сюда пришло другое время: автомобили сменили верблюдов, ружья – ручных соколов, но для его народа пустыня и ее законы остались неизменны. Закари старался оберегать простое и безыскусное существование этих людей, и поэтому именно здесь он чувствовал себя под их защитой. Иногда где-то вдаль он замечал неясную тень, зная, что это люди одного из племен. Они не тревожили одиночество своего короля и лишь издали следили за тем, чтобы Закари ничего не угрожало.

Он попросил своих помощников оставить его одного – никому не позволялось нарушать уединение короля, пока он пытается найти утерянную половину алмаза Стефани. И если он найдет ее, то станет правителем не только Калисты, но и Аристо.

Наследие короля Кристоса будет объединено.

...Тридцать лет назад король Кристос Каредес правил двумя островами, но недовольство подданных тревожило его – народ Аристо возмущался, что не может извлечь выгоды из алмазных копеей Кали-сты, в то время как народ Калисты старался сохранить свою землю в первозданном виде. Мудрый король Кристос хотел, чтобы аристонцы перестали смотреть на Калисту как на источник алмазов и начали бы строить собственную экономику. Поэтому он решил оставить двум своим детям по острову и принял довольно болезненное решение – разделить бесценный алмаз Стефани. Его сын и дочь стали самостоятельными правителями. Теперь у каждого в короне сверкала половина алмаза. Калистой стала управлять его дочь Энья, Аристо – сын Эгей.

Но точно так же, как меняет свое положение песок в пустыне, время изменило все.

Энья погибла пять лет назад вместе с мужем, отцом Закари, а сейчас, после смерти короля Эгея, на островах грянули еще большие перемены. К власти должен был прийти принц Александр, сын Эгея. Но без алмаза Стефани его коронация не могла состояться. И хотя правительство Аристо и пыталось все скрыть, Закари все же узнал об этом...

Закари сидел, пытаясь сосредоточиться, но его мысли продолжали лихорадочно блуждать. Сейчас он был почти рад предложению Хасана прислать сюда горничную. Когда на закате он вернется в шатер, Кристабель уже будет ждать его. Она позаботится о нем ночью, чтобы днем он мог лучше сосредоточиться на мыслях о том, как устроить будущее своего народа.

Порыв ветра бросил ему в лицо горсть песка, но Закари даже не шелохнулся.

Скоро. Скоро он отомстит Эгею за Энью!

Его четкие, словно высеченные резцом черты остались неподвижны, только уголки губ слегка дрогнули.

Отмщение было так близко, что он мог чувствовать его вкус.

* * *

Наклонив голову, Эффи бросила последний взгляд на дворец, наблюдая, как он исчезает в полуденной дымке. Она никогда раньше не летала на вертолете и наверняка бы нервничала по этому поводу, если бы не испытывала еще больший страх, связанный с тем, что ожидало ее впереди. Сегодняшний день с самого утра походил на американские горки.

Началось с того, что прошел слух, будто королевская горничная Кристабель, пока король был в отъезде, сбежала со своим бойфрендом. Впрочем, эта девушка всегда попадала в какие-нибудь переделки. Все два года, что Эффи провела во дворце, она не переставала удивляться, как только со всеми ее похождениями Кристабель удавалось удерживаться на своем месте. Сначала весть о ее очередном приключении вызвала только шепот и смешки, пока, наконец, не стало ясно, что придется искать замену. Но это оказалось непросто: две горничные были в отпуске, еще одна – беременна, у другой болел ребенок. Наконец очередь дошла до Эффи.

Она была младшей горничной, и в ее обязанности входило поддержание чистоты в общих дворцовых помещениях. Опыт общения с королевскими особами у девушки начисто отсутствовал.

– Ничего не должно беспокоить короля, – объясняла ей старшая горничная Ставрула. – Ты обязана следить за этим днем и ночью... Король не хочет никаких контактов – ему нужен полный покой. Со всеми нашими передрыгами ему необходимо время, чтобы побыть одному. – Женщина провела рукой по лбу. – Да, неприятностей хватает...

Неприятностей действительно было хоть отбавляй!

После смерти короля Эгея на Аристо начались беспорядки, но и Калиста не осталась в стороне. Невеста Закари, ко всеобщему изумлению, вышла замуж за его брата Аарифа, а другой его брат, Калик, женился на девчонке из конюшни.

О да, королю было о чем подумать!

– Он потребовал полного уединения, – продолжала Ставрула. – Никаких контактов с дворцом, и, если ты считаешь, что тебе с этим не справиться, лучше откажись прямо сейчас.

– А вдруг король заболит? – спросила Эффи.

Ставрула пожала плечами:

– Ну что ж, это не исключено. Но я думаю, что король лучше знает, что ему нужно. И если ему нужно было удалиться в пустыню... – Ставрула криво улыбнулась. – И помни, нет ничего невозможного, если того требует король. В общем, через неделю вертолет вернется за тобой. За тобой и королем.

Эффи с готовностью кивнула:

– Я постараюсь как можно лучше справиться со своими обязанностями.

Глядя на ее открытое лицо с сияющими синими глазами, зная, что Эффи действительно сделает все возможное, Ставрула все же не удержалась от последнего наставления:

– Сейчас трудные времена, Эффи. Король должен принять правильное решение. Наша роль многим кажется незначительной, но если короля не будут беспокоить, если мы сможем облегчить его жизнь, то он скорее найдет правильный путь. Ну ладно! – Хлопнув себя по коленям, Ставрула встала. – Вертолет ждет. Кристабель должна была отправиться еще час назад.

– Но мне нужно собрать вещи!

– У нас нет времени, – сказала Ставрула и кивнула на голубой чемодан Кристабель. – Подберешь себе что-нибудь из ее тряпок.

«Это было бы большой удачей», – подумала Эффи.

– Поднимается ветер! – По зеленой лужайке они побежали к вертолету. – Если не взлетите сейчас, то застрянете здесь до завтра. А короля нельзя заставлять столько ждать!

Одни только эти зеленые лужайки, подстриженные ровно на два дюйма, могли служить доказательством богатства короля Закари – ведь дворец стоял на самом краю пустыни. Эффи частенько во время работы то и дело замирала у окна, чтобы бросить взгляд на открывающейся перед ней изумительный вид. И сейчас, глядя, как дворец, становясь все меньше и меньше, растворяется далеко внизу, она чувствовала страх и в то же время волнующее возбуждение.

Из всех королевских особ, всех принцев и шейхов Закари был самым интересным.

Его одежда, будь то военная форма или традиционный халат, всегда смотрелась на нем как-то по-особенному. Самое же неотразимое впечатление, по крайней мере на Эффи, Закари производил в европейском костюме.

И еще у него была замечательная улыбка. Нет, конечно, улыбка предназначалась не ей – однажды утром, когда она шла по коридору, неся в руках стопку белья, Эффи пришлось остановиться возле стены, чтобы пропустить короля и его брата. Калик, должно быть, сказал что-то смешное – внезапно надменное лицо Закари осветилось широкой улыбкой, чувственные губы раздвинулись, обнажив белоснежные зубы. Эффи была так захвачена этой властной красотой, что забыла даже поклониться и опустить голову.

Не то чтобы он обратил на это внимание... Не то чтобы он вообще хоть однажды заметил ее. Но именно в эту секунду Эффи стало ясно, каким образом Закари снискал себе репутацию покорителя сердец.

Достаточно было и одной этой улыбки.

А сейчас ей предстояло остаться с ним наедине.

Как только вертолет коснулся земли, пилот бросил вниз чемодан, не рискуя задерживаться, пока не поднялся ветер. Эффи проворно прыгнула вслед за ним.

Жара была удушающей.

Сухой воздух был так горяч, что обжигал легкие. Тонким шарфом она закрыла нос и рот и, пригнув голову, нырнула под вращающиеся лопасти. Песок крутился вокруг, проникая в уши, глаза, волосы, и, даже когда вертолет взлетел, все равно не прекратил своей дикой пляски. На мгновение Эффи замерла, очарованная бесконечным ландшафтом, прорезанным длинными терракотовыми каньонами, в полной мере ощутив уединенность этого места.

Эффи выросла в бедной части Калисты, большую часть времени ухаживая за больной матерью. Она не боялась тяжелой работы, но сейчас, посмотрев на шатер короля, темным пятном выделявшийся в бескрайнем море песка, она почувствовала беспокойство.

А на что она рассчитывала? На то, что король выйдет встречать простую горничную? И разве ей не было сказано, что уходить он будет рано утром, а возвращаться только перед заходом солнца, до которого оставалось еще пара часов?

«Лучше сразу взяться за работу», – решила Эффи и начала составлять план. К тому времени, когда король вернется, она уже будет знать, что где находится. Быстро сообразив, что колесики чемодана тут же увязнут в песке, она подхватила его за ручку. К тому времени, когда Эффи добралась до шатра, под мышками у нее расплзались темные круги, а лицо от жары и усилий покраснело, как вишня. Эффи тут же сделала необходимое добавление к своему плану – сначала она выпьет много-много холодной воды, а уж потом возьмется за работу.

Откинув полог, она вошла в шатер. Внутри оказалось темно и прохладно. Когда ее глаза привыкли к полумраку и вой ветра уже не резал уши, Эффи сняла туфли и начала осматривать убежище. Всюду были ковры – часть из них лежала на полу, и ее босые ноги чувствовали нежный ворс, другие висели на штангах, разделяя пространство и создавая уют. Бархатные и шелковые подушки, разбросанные вокруг низких резных столиков, были настолько пухлыми, что Эффи с удовольствием бы понежилась на них.

Но какой всюду был беспорядок! И к тому же песок! Песок покрывал маленькие, словно ювелирные, чашечки, он был на тарелках, кувшинах, подушках, он был буквально повсюду!

Эффи оставила чемодан у входа и продолжила осмотр. Она вошла в кухню – здесь, пусть и в самом центре пустыни, можно найти холодную воду и плеснуть себе на пылающее лицо. А запасов еды в холодильнике и шкафчиках было столько, что, если бы даже вертолет вернулся за ними через год, они все равно не успели бы все съесть.

Позади кухни было еще одно помещение. «Наверное, комната для прислуги», – догадалась Эффи. Здесь лежал лишь матрас, рядом находилась корзина для белья и стоял низкий столик с подушками. Эффи с облегчением вздохнула. Если учесть, что короля не будет в шатре с рассвета до заката, то по сравнению с работой во дворце это можно считать отдыхом.

Улыбнувшись, Эффи взяла щетку – сначала нужно было подмести в спальне и приготовить постель.

Закари начал проявлять нетерпение – он знал, что она здесь, так почему же не идет к нему?

Увидев, что поднимается ветер, он вернулся раньше и сейчас принимал душ – удовольствие, которое он мог себе позволить. «Вот что делает пустыня, – думал он, с наслаждением чувствуя, как вода скользит по телу, собираясь каплями на покрытой маслом коже. – Она заставляет ценить простые радости, которые иначе воспринимались бы как нечто само собой разумеющееся».

Так же Закари относился и к сексу.

Он не курил, не пил, его тело было в превосходной форме. Несмотря на страсть к верховой езде и поло, Закари никогда не делал ставки. Он любил побеждать в более серьезных и предсказуемых играх.

Единственной его слабостью были женщины.

«Да и риска проиграть здесь практически нет», – с легкой досадой подумал Закари. Принадлежащие ему по рождению карты означали, что победа всегда оставалась за ним. И только одна женщина не поддалась его чарам.

Принцесса Калила Задар предназначалась ему в качестве невесты – этот выбор принадлежал его отцу, когда они были еще детьми. И хотя перспектива брака совсем не привлекала его, Закари понимал, что народ хотел бы видеть своего короля остепенившимся. Тридцать семь лет – тот возраст, когда пора было подумать о наследниках. С некоторой неохотой он поддался давлению и дал указание Хасану, его первому помощнику, заняться приготовлениями к свадьбе, а поскольку сам был занят поисками алмаза, то за невестой послал Аарифа.

Аариф и Калила влюбились друг в друга с первого взгляда...

Сначала, боясь его гнева, они все отрицали. А когда Аариф все же признался, он был ошеломлен реакцией Закари – казалось, тому было только приятно видеть брата таким счастливым.

О, Калила могла быть превосходной женой короля, но, когда Закари с ней познакомился, он не почувствовал ни искры желания, а когда заметил ее влечение к Аарифу – ни малейшего раздражения. Только искреннюю радость за их счастье и запоздалое понимание, что сам даже близко не подошел к тому чувству, которые Калила и Аариф испытывали друг к другу.

«Но я король, – напомнил себе Закари. – А у короля нет времени на романтические отношения».

Закари потрогал рукой подбородок. Он давно не брился – на подбородке отросла щетина. Но он никогда не брился, когда был один, – Кристабель не в счет. Скоро... Он почувствовал жар внизу живота, что делало его простым смертным. Сегодня ночью он мог позволить себе быть просто мужчиной.

Взяв полотенце, Закари пошел в сторону спальни, по дороге вытирая плечи и грудь, чувствуя себя без одежды совершенно непринужденно.

Он откинул полог.

Закари видел, как приземлился вертолет, видел у входа голубой чемодан Кристабель и уже предвкушал встречу с ней...

Опустив полог, он направился к своей постели – король не должен ни за кем бегать. Женщина сама должна была встретить его.

Он неделю прекрасно обходился без секса, но сейчас, когда это было так близко, желание стало почти непреодолимым. Ожидая Кристабель, Закари устроился на постели. Она не стала бы отвлекать его пустой болтовней или требовать нежностей – женщина знала, для чего она здесь.

Закрыв глаза, Закари улыбнулся.

Он слышал приближающиеся шаги, шорох отодвигаемого в сторону полога, зная, что не будет сказано ни единого слова... ее обязанности были так же строго определены, как и очевидны.

Эффи думала, что его там нет, – тишина, по словам Ставрулы, означала, что король все еще в пустыне. Она вошла в спальню и в следующее мгновение застыла на месте.

Как он красив!

Даже богато украшенная резьбой кровать с разноцветными шелковыми подушками выглядела убого по сравнению с ослепительной красотой его тела. Черные как смоль волосы сияли мокрым блеском, под закрытыми глазами лежали темные полукружия ресниц, отросшая щетина подчеркивала сильную линию подбородка. Взгляд Эффи двинулся дальше...

Широкоплечий, с гладкой оливковой кожей, длинными мускулистыми руками и плоским животом, с бегущей вниз темной дорожкой, он лежал, согнув ногу в колене. А потом... потом ее глаза увидели то, чего им ни в коем случае не стоило бы видеть.

Словно замороженная, Эффи стояла перед этой самой чувственной, самой эротичной картиной, которую ей когда-либо приходилось видеть. Она знала, что ей нужно уйти, – она так и собиралась сделать, вот только ее тело не совсем слушалось. Выронив из рук щетку, девушка не сумела сдержать испуганный возглас.

– Прошу прощения... – Эффи зажмурилась, как только он открыл глаза, и сделала шаг назад. – Ваше величество...

В следующее мгновение он спрыгнул с постели. Эффи закрыла глаза рукой, но это не помешало ей услышать, как он выругался.

– Где Кристабель?!

– Она не смогла приехать... Ваше величество...

Не открывая глаз, Эффи без конца повторяла, что она очень, очень, очень сожалеет...

– Я должна была спросить, есть ли здесь кто-нибудь, прежде чем входить... – Девушка едва могла дышать, жар пустыни теперь, казалось, был несравним с ее горящим лицом. Она чувствовала, как от ужаса на ее лбу выступили капли пота. – Я сейчас уйду... – Ее ноги сделали шаг назад. Эффи наконец убрала руку от своих глаз, с облегчением заметив простыню вокруг его бедер. – Я ухожу.

Глава 2

Никогда она не сможет войти туда снова. Никогда!

Лежа на постели в своем закутке, всхлипывая от стыда и страха, Эффи пыталась найти выход.

Какие у нее варианты? Уйти в пустыню и исчезнуть навсегда? Или нацепить на лицо улыбку и приготовить ужин? Первый вариант казался более предпочтительным.

Как она теперь посмотрит ему в лицо? Но как посмеет *не* смотреть?

Что, в конце концов, имела в виду Ставрула, когда говорила, что нет ничего невозможного, если того требует король? А теперь еще он наверняка и зол на нее! Ее торопливое извинение только подлило масла в огонь. На ее работе можно ставить крест, только Эффи не знала, как выбираться отсюда...

Девушка опять беспомощно всхлипнула, чувствуя всю безнадежность ситуации.

– Вот, возьмите.

Эффи замерла, уткнувшись лицом в подушку.

Его присутствие давило на нее. Только в этот раз в его голосе не было гнева.

– Я принес кофе.

Король принес ей кофе!

Ошеломленная, Эффи повернула голову и увидела протянутую ей маленькую чашку. Вскочив с постели, она взяла ее, осторожно попробовала губами густой, сладкий напиток, который всегда приносил ей тепло и успокоение. Король не только пришел к ней, в его голосе не осталось и следа недавнего гнева!

Ее смятение нарастало, наконец она осмелилась посмотреть на него.

Он улыбался!

– Может, ты скажешь, как тебя зовут?

– Эффи. – Она присела в поклоне, вспомнив, наконец, свое место. – Не могу выразить, как я...

– Довольно! – прервал он ее запинаящееся извинение.

Закари нисколько не был смущен. Судя по всему, стыдно было ей самой.

Но только тогда, когда прошла его злость, только тогда он осознал, что почувствовала бедная девушка. А поскольку им придется провести здесь еще несколько дней, то возникшее недоразумение нужно было устранить немедленно.

– Я думал, что это Кристабель, – начал он, – она должна была прилететь сегодня. Ну, и когда я увидел ее чемодан...

– Ее хватились лишь сегодня утром, ваше величество. – Зубы Эффи стучали – ей трудно было говорить, но в то же время она была рада возможности объясниться. – У меня не было времени, чтобы собраться, поэтому пришлось взять ее чемодан...

Закари бросил взгляд на ее пышные формы – вряд ли наряды Кристабель налезут на эту пухленькую девчушку, – но удержался от комментариев.

– Я думала, вы не вернетесь до заката, и хотела убрать в вашей спальне. – Эффи беспомощно пожала плечами. – Ставрула предупредила меня, что мои услуги могут потребоваться не только днем, но и ночью. Должно быть, она пыталась дать мне понять, в чем они могут заключаться, но... я ничего не знаю об этом...

– Уверяю вас, Ставрула имела в виду только уборку и приготовление еды – ну, возможно, еще и участие в беседе, если я пожелаю... Что же касается Кристабель... – последовал небрежный взмах ухоженной руки, – у нас с ней была особая договоренность.

– А-а-а... – Теперь было ясно, почему безответственной и ленивой Кристабель удавалось сохранять свое место во дворце. – То есть... я здесь не для того, чтобы... Я имею в виду, вы не ожидаете, что...

– Нет. – Закари даже на мгновение не мог допустить такой мысли. Он привык к изящным, ухоженным и умелым любовницам. Эта довольно кругленькая, поминутно вспыхивающая румянцем девушка, невольно занявшая место Кристабель, просто не могла позволить иначе ответить на такой вопрос.

– А вам действительно нужна здесь горничная?

Нет, горничная здесь ему была не нужна. Закари внимательно посмотрел на повернутое к нему девичье лицо, залитое слезами, и вдруг какое-то незнакомое чувство шевельнулось в нем. То же самое чувство, что заставило его прислушаться к ее приглушенному плачу и приготовить кофе.

– Да, – кивнул он, – мне нужна горничная. Но только не сегодня. Так что распакуйте вещи и отдыхайте. А завтра приступите к своим обязанностям. – С этими словами он встал и ушел, оставив Эффи ошеломленно моргать от неожиданного поворота событий.

Стыд и ужас и то, что случилось потом, – все смешалось в ее голове. Король приготовил ей кофе и успокоил ее. То, что казалось непоправимым, вдруг обернулось к лучшему.

Дрожащими руками Эффи открыла чемодан. Ее лицо вспыхнуло, как только она увидела, что там было. И все же, после того как король рассказал о его тайной договоренности с Кристабель, Эффи разбирало любопытство.

Кроме платья горничной, там оказались темные тонкие чулки – гладкий шелк, казалось, сам скользил сквозь пальцы, узкий пояс и лифчик, едва прикрывавший соски, набор презервативов в блестящей фольге, а также лосьоны и масла, которые Кристабель использовала, чтобы быть привлекательной для своего короля. Все эти вещи поразили невинную Эффи. Взяв только халат и платье горничной, она быстро захлопнула чемодан, пытаясь заставить себя забыть о его содержимом. Уж лучше она всю неделю проходит в одном и том же, чем притронется к остальным вещам! Вечером можно постирать ее белье, а утром оно уже высохнет.

Выключив лампу, Эффи скользнула в постель между прохладными простынями и позволила себе расслабиться. Но не тут-то было! Она долго ворочалась, приказывая себе заснуть, но сон все не шел.

Наконец, она зажгла лампу и, открыв чемодан, снова начала перебирать его содержимое. Провела помадой по запястью, брызнула в воздух тонкой струйкой духов, а потом, сняв крышку с одной баночки, втянула в себя приторно-сладкий запах депилятора. Может, она и была наивной, но никак не глупой.

Опустив глаза, Эффи посмотрела на волосы на своих ногах и мелкие кудряшки внизу живота, и впервые ей захотелось, чтобы ее тело было красивым и гладким. Впрочем, она тут же отчитала себя за эти грешные мысли. Закрыв баночку, Эффи потушила свет и приказала себе спать.

* * *

В пустыне Закари привык завтракать просто. Но этим утром его ждал почти праздничный стол.

Начать с того, что его разбудил аромат свежего фатира – сладких лепешек. Они лежали на широком блюде рядом с пиалами, наполненными молотым миндалем, смешанным с аргановым маслом и медом. Тут же были овечий сыр и сушеные фрукты и конечно же обязательный крепкий кофе в джезве. Кроме этого Эффи приготовила и освежающий мятный чай.

– Очень вкусно, – похвалил Закари, откусывая еще один кусок лепешки. Во дворце у него были самые лучшие повара, способные приготовить любое блюдо, и все же ничто не могло сравниться с правильно приготовленным фатиром.

– Это рецепт моей матери, – улыбнулась Эффи.

– Должен сказать, она понимает в этом толк.

Улыбка Эффи увяла.

– *Понимала*. Она умерла два года назад. Мама служила горничной на Аристо, и эти лепешки...

– На Аристо не пекут настоящий фатир! – перебил ее Закари. – Они предпочитают французскую выпечку, всякие круассаны и прочее... Только у нас на Калисте еще соблюдают традиции.

– Вы правы, – согласилась Эффи. – Но моя мать работала во дворце еще до моего рождения...

– Ах, так это было во времена короля Кристоса! – улыбнулся Закари. – Да, тогда, должно быть, во дворце еще готовили фатир. И аргановое масло... – Он обмакнул лепешку в масло и протянул Эффи. Та замотала головой. – Садись! – коротко приказал Закари. – Вот уже несколько дней мне не с кем и словом перемолвиться. Горничная ты или нет, здесь, в пустыне, ты обязана со мной разговаривать, когда я этого пожелаю. Разумеется, как только мы вернемся во дворец, я сразу же перестану тебя замечать. – Эффи только покорно кивнула, но, подняв глаза, увидела, что король улыбается. – Это шутка. Конечно, если мы встретимся, я с тобой поздороваюсь. Ну, как тебе арган?

– Очень понравился. – Она всегда ела фатир только с медом. Нежно-золотистое аргановое масло делали из плодов деревьев, которые росли только в юго-западной части Марокко. Это был деликатес с изысканным вкусом.

– Оно повышает тонус, а также... – начал объяснять Закари и замаялся, решив, что не стоит сейчас говорить о его свойствах афродизиака, – широко используется в медицине. Моя мать тоже всегда настаивала, чтобы мы ели фатир.

– Ваша родная мать или королева Энья? – спросила Эффи.

Этот вопрос был не более чем проявлением вежливого любопытства в их непринужденной беседе, легкость которой и сбила ее с толку. Эффи увидела, как сузились глаза Закари, и прикусила язык, отругав себя за то, что опять забыла предупреждение Ставрулы. И снова попала впросак.

– Твоя работа заключается в том, чтобы слушать, а не задавать вопросы! – отрезал Закари.

– Конечно, ваше величество... – С горящими щеками Эффи начала собирать посуду.

Судя по всему, она случайно затронула запретную тему. Уже за своей спиной она услышала:

– Моя родная мать... – Из его голоса ушли резкие нотки. Обернувшись, Эффи увидела, что глаза Закари потеплели. – Она настаивала, чтобы мы по утрам ели фатир.

Боясь опять что-нибудь ляпнуть, Эффи только кивнула.

– Сегодня у меня был отличный завтрак. Но завтра, – сказал Закари, – завтра я хотел бы только выпить кофе. Здесь, в пустыне, я предпочитаю есть поменьше.

– Но разве можно уходить на целый день голодным? – не выдержала Эффи и с облегчением вздохнула, когда король, вместо того чтобы одернуть ее, откусил еще один кусок лепешки и, прожевав, согласился на компромисс:

– Пусть это будет кофе и фатир. И все.

Вчерашний ветер изменил все вокруг.

Когда утром Закари вышел из шатра, его глазам предстал совсем другой, незнакомый ландшафт. «Но если я заблужусь, скалы помогут найти дорогу, как помогали до сих пор», – напомнил себе он.

Его поиски пропавшей части алмаза находились в самом разгаре. После смерти Эгея, когда Закари стало известно, что настоящий камень был заменен фальшивкой, он уже не знал ни дня покоя. Сначала Закари отправился в Египет, потом в Америку и, наконец, в Англию. На аукционе в Лондоне ему удалось анонимно приобрести кое-что из драгоценностей королевского дома Аристо, которые, надо заметить, оказались там самым эксклюзивным лотом. Теперь, по крайней мере, ему стало ясно, что у Эгея была любовница, которой он дарил королевские драгоценности. Вероятно, к ней и попал алмаз Стефани.

Но кто эта любовница?

Каждая ниточка, которую пытался распутать Закари, казалось, только дальше уводила его в сторону. Каждый камень, который он выкупал, только еще больше усложнял картину. Ходили слухи, будто любовницей короля была горничная, но ничего конкретного выяснить так и не удалось. Король Эгей был более чем скрытен. Каждый новый поворот в этом деле непременно оканчивался тупиком.

Вот почему Закари и находился сейчас здесь, в пустыне. Безумная суматоха последних месяцев, смерть Эгея, отказ его сына Себастьяна от права на трон, свадьба Калика, поиски камня... Закари нужно было время, чтобы привести свои мысли в порядок. Вернуться на древнюю землю и смиренно попросить небесные силы о помощи.

Каждый день он проходил по несколько миль, но к какому-либо решению так и не пришел. То, что Эффи заговорила о его матери – *осмелилась* заговорить, – словно что-то разбудило в нем. Как от искры, вдруг вспыхнули воспоминания о том времени, когда его жизнь, еще ничем не омраченная, спокойно текла совсем в другом месте. В другом дворце. В другое время. Под звонкий смех его матери.

Его родной матери...

Он не был рожден, чтобы быть королем.

Его мать умерла, родив своего седьмого сына, Зафира. Его отец, шейх Ашраф аль-Фариси, третий сын правящего дома Хадии, после окончания траура женился на королеве Калисты Энье. У нее не было своих детей, она любила сыновей Ашрафа как родных и воспитывала их как будущих наследников трона. Впрочем, для Закари и теперь это будущее могло быть очень отдаленным, если бы Ашраф и Энья не разбились на вертолете и вся ответственность за страну не легла бы на его плечи. Сейчас, спустя пять лет, ему казалось, что никогда еще этот груз ответственности не был таким тяжелым.

Для Закари власть была всем. И найти половину алмаза для него сейчас – самая главная задача.

«Так почему же, – спрашивал себя Закари, – я никак не могу сосредоточиться?»

День был долгим. Закари ушел после завтрака, и Эффи сразу же взялась за уборку, радуясь, что может себя чем-то занять, чтобы не думать о вчерашнем.

Работы для нее здесь оказалось достаточно. Одежда и полотенца валялись на полу, и Эффи, подобрав все, решила начать со стирки, утешая себя мыслью, что выполняет пусть и скромную, но полезную работу. И что, возможно, Закари, возвратясь во дворец, выберет ее в качестве своей персональной горничной вместо Кристабель. «Но только исключительно для занятий хозяйственными делами!» – быстро одернула себя Эффи, чувствуя, как запылали ее щеки.

Только в конце дня ей удалось справиться со своими нервами, и она отважилась пойти в его спальню, чтобы навести там порядок. Сначала Эффи подмела пол и протерла темную резную мебель, прежде чем наконец решила поменять постельное белье. Она старалась не

думать о том, кого видела здесь вчера, но напрасно... Эффи вздохнула. Казалось, ей никогда не удастся стереть из памяти эту картину.

В отличие от многих, Эффи не чувствовала себя обиженной жизнью. Мать с самого детства внушала ей уважение к королевской власти – ее нелегкий труд во дворце был щедро вознагражден, и, благодаря разумным вложениям, по окончании службы у нее был и свой дом, и весьма приличный доход. О подробностях Эффи никогда не спрашивала. Так же как не спрашивала, почему некоторые имеют все, а другие ничего. Она была довольна и тем, что ей удалось получить работу во дворце.

Потянув на себя шелковую простыню, она вдруг почувствовала незнакомую тяжесть внизу живота. Легкий взмах ткани принес с собой чуть терпкий мужской запах, и лишь на миг – всего лишь на один краткий миг – Эффи пожелала...

Впервые она пожелала, чтобы этот мужчина, которого она видела вчера обнаженным, хотя бы на время стал ее. Уткнувшись лицом в смятую ткань, она молила об этом, пытаясь как можно глубже вобрать в себя этот запах. Ей хотелось быть такой же стройной и красивой, как Кристабель. Хотелось, чтобы король так же ждал ее...

Как бы то ни было, платили ей вовсе не за ее мечты, поэтому Эффи вернулась к работе.

Через пару дней в ее жизни установился определенный ритм.

Закари вставал с рассветом, когда уже был готов завтрак. Ел он молча, лишь иногда мог спросить, хорошо ли она спала, но обычно был задумчив, хмур и сосредоточен. Эффи чувствовала облегчение, когда он наконец уходил, чтобы вернуться только после захода солнца.

Но когда он возвращался, это был уже совсем другой Закари.

Он принимал душ, переодевался и садился ужинать. Потом, полулежа на подушках, маленькими глотками попивая сладкий кофе, начинал разговаривать.

Помня предупреждения Ставрулы и свои собственные промахи, Эффи большей частью старалась держать язык за зубами, но вечерами Закари превращался в такого замечательного собеседника, что невозможно было не поддаться его очарованию и не поддержать беседу. Наградой ей была улыбка, совершенно преображающая его властное лицо. И что удивительно, теперь он никогда не одергивал ее, даже если какая-то шутка случайно могла задеть его.

Король Закари относился с презрением к королевскому дому Аристо. У Эффи было другое мнение по поводу Аристо, и она не собиралась от него отказываться.

– К моей матери там всегда хорошо относились, – сказала она, собирая со стола посуду. – А сейчас я откладываю деньги, чтобы в январе съездить на коронацию принца Александра.

«Если я найду алмаз, – подумал Закари, – коронация Александра не состоится. Впрочем, Эффи не стоило знать об этом». Единственное, о чем смогли договориться два правящих семейства, – факт пропажи алмаза будет сохраняться в тайне.

– Думаешь, Алекс мог бы стать хорошим королем? – Закари и не пытался скрыть свой сарказм. – К трону готовили его брата, Себастьяна, который отверг власть ради того, чтобы жениться на женщине из народа.

– Это был его выбор...

– Это не выбор, а проявление слабости! Народ Аристо обеспокоен его поступком. Люди знают, что Алекс и его жена не хотят вваливать на себя такое бремя. В стране складывается опасная ситуация.

– Ну, а я бы не стала так уж беспокоиться.

– Ты живешь в Калисте, чего тебе беспокоиться? Беспорядки на Аристо не коснутся тех, кто живет на Калисте. У вас сильный король.

– О, у меня прекрасный король, и я рада ему служить. – Ее щеки чуть заметно порозовели. – Но я думаю, что под руководством королевы Тиа принц Александр может стать очень хорошим правителем.

Эффи была непоколебима. Закари мог только восхищаться ее характером, когда, улыбнувшись, она пожелала ему спокойной ночи и вышла.

«Она сумела отстоять свое мнение, – подумал Закари, откидываясь на подушки и на минуту закрывая глаза. В теле чувствовалась усталость после долгого дня, но мысли работали четко. – Да, королева Тиа – единственная надежда Аристо. Элегантная, с чувством собственного достоинства, она полностью посвятила себя воспитанию детей и благотворительности и, надо сказать, преуспела в этом». Закари всегда нравился принц Себастьян, пока тот не отвернулся от трона и от своего народа.

Подумав о предстоящей долгой ночи, Закари решил снова позвать Эффи. Ему и в самом деле было жаль, когда она ушла, хотелось снова увидеть блеск в ее синих глазах, увидеть, как вспыхивают ее щеки, когда она смеется. Закари остановил себя. Может, причиной тому была жара, но он стал замечать, что слишком много разговаривает, когда эта девушка рядом. Глядя в бездонную синеву ее глаз, он забывал и о дворцовых правилах, и о социальном различии, и об обязательной дистанции – обо всем, что, казалось, должно уже отпечататься в его генах.

Поэтому он так и не позвал Эффи.

* * *

Тем не менее через пару дней, когда посуда со стола была уже убрана, Закари все-таки попросил ее остаться.

– Так, значит, ты не живешь во дворце?

– У меня есть свой дом, – сказала Эффи, неловко присаживаясь рядом на подушке. – Вернее, это дом моей матери.

– Ты говорила, что она была горничной. Разве слуги могут позволить себе иметь собственный дом?

– Она служила горничной еще до моего рождения. Но мама очень экономна, к тому же она сумела удачно вложить свои деньги. Дом, конечно, очень маленький, но зато у нее остались сбережения, которых хватило почти до конца ее жизни. Ей не пришлось больше работать.

«Господи, как она наивна! – думал Закари. – Одинокие матери, даже если у них есть свой дом, должны работать не разгибаясь. Тем не менее ужасно мило, что Эффи не догадывалась, что могло прокормить ее мать».

– Ты по ней очень скучаешь?

– Очень. – У Эффи защекотало в горле. – Вы, должно быть, тоже скучаете по своей матери. Или, скорее, по матерям...

Он бросил на нее быстрый взгляд, потом коротко кивнул. Потерять в одиннадцать лет мать было ужасно, но потерять Энью тоже было не легче. С отцом Закари никогда особенно не был близок. Они уважали друг друга, но говорить о взаимной привязанности не приходилось. С Энней все было по-другому. Она заботилась о нем, как о собственном сыне, помогая готовиться к нелегкому будущему правителя и короля.

– ...и по своему младшему брату.

Закари предостерегающе поднял руку:

– Давай закроем эту тему. – Ему хотелось, чтобы она рассказала о себе. – Итак, – сказал он, – это хорошо, что у тебя есть собственный дом...

«Пусть она и наивна, – думал Закари, – но в ее глазах светится ум, она упорна. И независима. Оставаясь неизменно вежливой, не желает мне подыгрывать».

– Ты могла бы неплохо играть в шахматы, – пробормотал он, получив от нее очередной односложный ответ.

– Сомневаюсь. Я не играю ни во что.

Сузив глаза, он долго и пристально вглядывался в ее лицо.

– Я каждый день думаю о нем, – произнес Закари, нарушив затянувшееся молчание. – Потому что в глубине души до сих пор не верю, что он умер.

– Значит, вы не можете не плакать... – Она инстинктивно прикоснулась к его плечу, но тут же убрала руку, ощутив неуместность этого жеста.

Закари напрягся. Он поделился своей болью, теперь ее очередь говорить. Но это прикосновение женской руки, этот легкий контакт принес ему неожиданное успокоение. Черные глаза с благодарностью нашли ее взгляд.

Он никогда не плакал. Не позволял себе этого. Принц, которому предстояло стать королем, не должен плакать!

На мгновение воспоминания вернули его в тот день, когда Энья рыдала на своей постели. Как ему хотелось тогда тоже поплакать, но ему, будущему королю, было шестнадцать.

Сейчас Закари смотрел в синие глаза Эффи, наполненные слезами, и словно чувствовал на своем плече тяжелую руку отца.

«Будь сильным! – Пальцы шейха больно сжимали плечо сына, тогда как Закари хотелось, чтобы он обнял его. – Не наше это дело – плакать».

– Могу ли я спросить, что случилось?

Ее вопрос прозвучал так же тихо, как и его ответ:

– Ты знаешь, что случилось.

– Я знаю только то, что читала в газетах. Знаю, что слышала от людей. Но что было на самом деле, я не знаю.

– Ты знаешь все, что тебе нужно знать.

– Но если вы расскажете, это может помочь...

– Как? – спросил он, и Эффи поняла – перед ней сидел мужчина, чьи чувства никогда не переходили в слова. Мужчина, который был рожден для того, чтобы действовать, а не чувствовать.

– Это может помочь, – повторила она, видя, как боролись в нем желание уступить и потребность снова взять контроль над своими чувствами. Что для нее было естественным, для короля представлялось почти невозможным.

И когда Закари наполненными болью словами пригласил ее в свой мир, Эффи поняла, что будет любить его за это всю свою жизнь.

– Эмир – мой брат, тогда болел... лихорадка... – Его звучный голос понизился до хриплого шепота. – А с младшими детьми я не играл. – Он помолчал. – Аариф и Калик тогда строили плот. Они думали поставить на нем парус и проплыть вдоль берега. Зафир узнал об их планах и упросил взять его с собой. Но они не справились с парусом, и плот унесло в открытое море...

Эффи слышала об этой трагедии, которая случилась, когда ей было четыре года. Она видела шрам на лице Аарифа, что-то прочла в старых газетах и в то же время сейчас, слушая рассказ Закари, снова почувствовала на своих глазах слезы.

– В море их заметили контрабандисты. Зафир, маленький гордец, не сдержался и крикнул им, что их отец сам король. Тут, должно быть, мерзавцы и сообразили, какая им подвела удача. Всех троих связали, у Калика и Аарифа сих пор на руках шрамы, и принялись обсуждать, какой потребовать выкуп. Во дворце, конечно, всех подняли на ноги. Я хорошо помню, как в море один за другим отправлялись катера, лодки, вертолеты... – Закари покачал головой. – Зафир сумел ослабить узлы и освободить руки, а потом развязать и братьев. Им

удалось пробраться к плоту и отплыть от берега... но тут их заметили. Аарифу пуля попала в лицо, ты наверняка видела его шрам.

– Но это все равно не сравнится с той болью, что осталась внутри...

– Аариф упал в море, – продолжал Закари, – Калик бросился его спасать. Они пытались добраться до плота, но его уже унесло в море. Вместе с Зафиром... Контрабандисты их снова схватили... потом отец заплатил выкуп, но Зафир... – Дальше он не мог говорить.

– С тех пор о нем никто ничего не слышал, – закончила за него Эффи.

– Да... Ему исполнилось бы двадцать семь на этой неделе.

– Может, он жив...

Закари закрыл глаза и покачал головой.

– Сердцем я чувствую, что брат жив, но разум говорит, что Зафир мертв и я должен отпустить его... – Закари тряхнул головой – ему еще никогда не приходилось столько о себе рассказывать. Теперь ее сочувствие казалось ему в тягость. – Мне пора. – С этими словами Закари встал и вышел.

Сосредоточиться!

Закари никак не мог заставить себя это сделать.

Тень еще лежала возле самых ног, которые, несмотря на полдень, настойчиво звали его вернуться. К ней.

Сначала его раздражало встревоженное лицо Эффи, выглядывавшее из-под полога шатра каждый вечер. Раздражала та неловкость, с которой она готовила для него ванну. Похожие на сказки истории о том времени, когда ее мать служила во дворце Аристо.

Да, сначала это его раздражало. Но теперь... Теперь он только и ждал этого.

День тянулся бесконечно. До заката еще оставалось несколько часов, но, как Закари ни пытался сосредоточиться, его мысли продолжали блуждать – то перед ним возникал образ пропавшего брата, то лицо Эффи, словно выплывающее откуда-то из туманной дымки...

– Ты сегодня рано.

Кристabelle лежала бы сейчас на софе, потягивая вино и листая какой-нибудь глянце-
вый журнал, а теперь... теперь здесь была Эффи. Она стояла на низенькой лестнице, пристегивая к кольцам занавески.

– Прошу прощения, ваше величество, что я не успела сделать это до вашего прихода. Я выносила их проветрить, – объяснила Эффи.

– Ничего. – Закари нахмурился, но не потому, что она была занята работой. Что-то в ней изменилось, и он никак не мог понять что. Она потянулась вверх, и, когда ее платье поднялось, открывая гладкие ноги, Закари почувствовал, как сжалось его горло.

– Как прошел день? – спросила Эффи, справившись с очередной занавеской. – Хотя, конечно, это не мое дело...

– День... – Закари замялся. – Вряд ли его можно назвать продуктивным.

– О...

От усилий ее щеки разгорелись, синие глаза стали еще краше, рот казался мягким и свежим, как распутившийся розовый бутон.

Почему он раньше не замечал, как красива эта девушка?

Его глаза опустились к ее ногам, замечая ровный блеск покрытой кремом кожи. Только сейчас Закари понял, что она, должно быть, решила воспользоваться кое-чем из косметического арсенала Кристabelle.

– Могу я спросить – почему?

Ее вопрос застал его врасплох. Он совершенно забыл, о чем они говорили.

– Почему ваш день не был продуктивным? – повторила Эффи.

– Ах да... Наверное, я слишком много думал о своем брате. – Он заметил, как дрогнуло ее лицо. Пряди волос, выбившись из-под заколки, темными кольцами взметнулись вокруг стройной шеи. – Я все пытался представить, каким бы он мог стать, если бы остался жив...

– Я вам так сочувствую... – И она поменяла тему: – Как только закончу с занавесками, приготовлю для вас ванну. Но перед этим принесу чего-нибудь освежающего...

* * *

Закари откинулся на подушки и задумался.

Женщины всегда хотели его. Они подавали ему знаки, и он почти автоматически им следовал. Этих женщин легко было просчитать – спокойных, нервных, озабоченных, раскованных. Он находил удовольствие в разгадывании произвольных сигналов их тел, в их приручении и покорении. Редко можно было встретить женщину, которая отказала бы королю, но именно они особенно привлекали Закари. Ему нравился этот поединок между мужчиной и женщиной. Ему нравилось использовать свою чувственность и мастерство, чтобы превратить чью-то упрямую неподатливость в дрожащее от желания желе.

Только Эффи он никак не мог просчитать. Было ли для нее просто развлечением, что она решила воспользоваться кое-чем из запасов Кристabelle, или же она сделала это специально для него?

– Ну, вот и готово! – Эффи справилась с последней занавеской.

Спускаясь с лестницы, она на мгновение пошатнулась – для Закари это было достаточным поводом, чтобы протянуть ей руку.

– Спасибо...

Его рука лежала на ее запястье, он чувствовал нежную кожу, ее запах обволакивал его – но не запах духов, а ее собственный. И это, в сочетании с бьющимся под его пальцами пульсом, стало для него ответом.

...Маленькая серая птичка залетела во дворец, посеяв мгновенный хаос.

Зафир кричал от восторга, горничные, бестолково суетясь, бегали со швабрами, пока им, наконец, не удалось загнать ее в студию. Там птичка то кружила под высоким потолком, то беспомощно билась в стеклянные двери.

Энья, отослав горничных, наказала Зафиру сидеть тихо и наблюдать. Потом она подошла к старшему сыну и сказала:

– Когда начинается суматоха, когда вокруг все бегает и кричат, ты, Закари, должен сохранять спокойствие. Не надо говорить первое, что придет тебе в голову, не бегай и не кричи вместе со всеми. Если ты король, то должен просто сидеть и наблюдать: видишь, как дворец, который нам кажется таким большим, мал для нее; видишь, как она старается освободиться? Но скоро ее силы иссякнут, и она сдастся.

И они сидели и ждали, пока маленькая птичка, выбившись из сил, не нашла себе пристанище на стеллаже за книгами. Энья осторожно раздвинула их.

– Она здесь, Закари. Она испугана, но сидит тихо. Поэтому теперь ты можешь помочь ей.

В его ладони птаха казалась почти невесомой. Разглядев ее поближе, он заметил, что наряд ее состоял из восхитительных серебристых перышек самых разных оттенков. Держа в руке крохотное тельце, Закари чувствовал, как трепещет от страха ее сердце.

Он вынес птичку в сад и осторожно положил под дерево. Она просидела там почти полчаса, приходя в себя. А потом улетела...

Закари ощущал биение ее пульса под своими пальцами так же, как и тогда – трепет птичьего сердечка. И как бы Эффи ни старалась казаться спокойной, он знал, что она испугана. Отпустив ее руку, он почувствовал, как опустела его ладонь.

Она улыбнулась:

– Пойду приготовлю что-нибудь освежающее.

Ее лицо горело, запястье так жгло, что хотелось сунуть его под холодную воду, только это все равно не могло бы уменьшить опасный жар в теле... Просторный шатер казался ей теперь душной ловушкой, словно все лучи солнца, собранные гигантской линзой, вдруг обрушились на этот маленький клочок пустыни.

Как ей хотелось снова оказаться в привычном окружении дворцовых стен, вернуться к своей повседневной работе, к тому спокойствию, что она приносила! Вернуться туда, где простой горничной не приходилось выдерживать на себе пристальный взгляд короля.

«Должно быть, это пустыня оказывает на меня такое действие, – думала Эффи, собирая поднос. – Это пустыня заставляет видеть то, чего нет. Это она создает миражи... Вот и сейчас – Закари вовсе и не собирался смотреть на меня как-то по-особенному».

Король Закари аль-Фариси никогда бы не захотел ее как женщину.

Опустившись на колени, она налила в чашку холодный мятный чай. Платье Кристabelle было ей узко, верхняя пуговица не застегивалась, и, когда она наклонялась, на ее груди была видна узкая ложбинка. Его скулы напряглись, когда он заметил кулон, захваченный между ее двумя упругими округлостями, и вдруг пожелал, чтобы его пальцы были этим невидимым кулоном, устроившимися в мягкой теплоте, или его язык... Он мог бы протянуть руку и коснуться ее нежной шеи... только он знал, какой будет ее реакция...

Она просто испугается.

– Присоединяйся ко мне, – предложил Закари. – Давай вместе выпьем чаю.

Дрожа от волнения, она опустила на подушку. Закари попытался разрядить ситуацию.

– Как думаешь, не будет ли это выглядеть несколько экстравагантно, если в середине пустыни построить бассейн?

Эффи рассмеялась:

– Еще как будет!

– Жаль. Это единственное, чего мне здесь не хватает.

Они тут же отвели глаза, так как оба знали, что это ложь.

– Я тоже люблю плавать, – наконец нашлась Эффи. – Или даже просто смотреть на воду – во дворце Калисты очень красивый пруд. И в королевском поместье в Кионии тоже – там даже не пруд, а огромное озеро. Мне про него мама рассказывала.

– Я думал, твоя мать работала во дворце...

– Ну, может, ее туда посылали на какую-то работу. – Эффи пожала плечами. – Озеро там огромное, как море. Мама говорила, что по вечерам это было просто изумительное зрелище...

Закари лишь улыбнулся очередной ее фантазии, очередной сказке. Он знал, что это озеро было создано по желанию королевы Тиа, сразу же после рождения ее младшей дочери принцессы Элизы. В то время мать Эффи уже давно не работала во дворце.

Должно быть, опять всему виной неумное воображение Эффи. Где-то услышав об этом озере, она невольно включила его в рассказ о своей матери. Впрочем, ему все равно нравилось слушать ее истории.

– Ты помолвлена с кем-нибудь?

– Нет.

– Но тебе уже двадцать пять. – Он видел, как вспыхнуло ее лицо. Большинство женщин из бедных семей к этому возрасту уже были замужем и имели детей.

– Я несколько лет ухаживала за своей больной матерью... А сейчас у меня нет времени на это. Нелегко работать во дворце целый день, а потом приходиться домой, чтобы опять заниматься тем же самым.

– Значит, в браке ты отводишь себе только роль прислуги?

Эффи пожала плечами:

– Мне больше нечего предложить...

– Я не согласен. – Зачем она так говорит о себе? Ей бы чуть больше уверенности и лоска, и какой изумительной женщиной могла бы она стать!

Он снова посмотрел на ее пышную грудь, стянутую узким платьем Кристабель, на опущенные глаза, когда она говорила с ним.

«Счастлив будет тот, кому она отдаст свое сердце», – подумал Закари.

– Возможно, когда-нибудь я и найду кого-то... – Эффи снова пожала плечами. – Некоторые из дворцовых слуг проявляли ко мне внимание, но скорее только потому, что у меня есть собственный дом. Сама я их вряд ли интересовала.

– Ты не должна так говорить о себе. Ты имеешь полное право на то, чтобы к тебе относились с уважением. – Его раздражало, что она все время пожимала плечами. – Когда король что-то советует, люди обычно бывают только благодарны за это, – ядовито заметил Закари.

Эффи почувствовала себя виноватой.

– Я не то чтобы с вами не согласна... Просто у меня никогда не было никаких приятелей. И вообще для меня замужество – это совсем не то, о чем я сейчас мечтаю.

– А о чем ты мечтаешь?

Эффи смущенно нахмурилась.

– Наверное, хочу быть просто счастливой...

– А ты не счастлива?

– Я... – Она совсем растерялась, потому что на самом деле – здесь, сейчас, рядом с ним – она действительно была счастлива, можно сказать, впервые с того дня, когда умерла ее мать... – Сейчас я счастлива.

– И ни о чем больше не мечтаешь?

– Конечно, мечтаю... – Ее щеки горели, как два красных яблока. – Но мечты – это мечты, они не могут быть реальностью.

– Наверное, мечтаешь о принцах, которые избавят тебя от твоей работы?

– Вы шутите. – На ее лице мелькнула улыбка.

– Так о чем же тогда? – Голос Закари звучал требовательно. Черные глаза прожигали ее насквозь.

– Я мечтала о королях...

– Королях? – Едва заметная улыбка искривила его губы.

– Об одном короле, – прошептала Эффи, не в силах отвести от него глаз.

– И в этих твоих мечтах король одевал тебя в роскошные наряды и осыпал драгоценностями?

– Нет... – Ее щеки горели под его испытующим взглядом. – Такие мечты недопустимы для женщины моего положения.

– Тогда чего бы ты хотела от короля? – Он увидел, как слезы блеснули в ее глазах.

Эффи встала:

– Я должна заниматься делами.

Эффи лежала в постели, сгорая от внутреннего жара.

Любовные отношения с мужчиной никогда не стояли для нее на первом месте – собственно говоря, она вообще о них не думала. Эффи не берегла свою девственность как какой-то бесценный дар. Нет, она хранила ее просто как данность.

Не считая себя красавицей, Эффи думала, что именно поэтому мужчины не проявляли к ней особого интереса. Будь у нее хоть десятая часть той уверенности, что у Кристабель, или хотя бы крупица ее опыта...

От этих мыслей у нее запылали щеки. Секс и романтические отношения были для Эффи какой-то далекой мечтой. Но с того дня, когда она появилась здесь, когда увидела прекрасное обнаженное тело Закари, в ней словно что-то пробудилось. И вряд ли теперь ей удастся изгнать этот образ из своей памяти.

Глава 3

Эффи неожиданно проснулась. За пологом шатра завывал ветер.

Конечно, живя на Калисте, она не раз видела песчаные бури. В благоговейном изумлении девушка наблюдала, как ветер перемещает целые барханы. Слышала она и немало таинственных историй о ветре пустыни. Например, что стоны ветра – это потерянные души, молящие о сочувствии. Они так похожи на человеческие, что порой вводили в заблуждение и заставляли отправляться в пустыню самых разумных и здравомыслящих людей, которые там, в этих суровых просторах, и находили свою погибель...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.